

*В.И. Мозговой*

## ЯЗЫК КРИЗИСА, ОБЩЕСТВО И ЛИЧНОСТЬ

1. Кризис языка обсуждают и осуждают во все времена, понимая под ним «модное» изменение устоявшихся языковых норм. Однако практически всегда эта «болезнь молодости» пропадает и языковая система оставляет в своем арсенале только принятые ею языковые формы, которые тем не менее подвергаются последующей коррекции в языке нового поколения. Статика языка обеспечивается его динамичностью и постоянным развитием в вечно изменяющихся условиях развивающегося общества. В этом смысле не может быть «устойчивой» и речь, поэтому вполне справедливый вывод И.А. Стернина об отсутствии кризиса в русском языке, но о кризисе речи [4] можно подвергать сомнению.

2. Любые изменения, происходящие **внутри** языка, не противоречат его фабуле развития, которая может подвергаться коррекции лишь на уровне рекомендаций, позволяющих наиболее адекватно вести общекультурный диалог внутри конкретной языковой общности в определенный период ее жизнедеятельности. В случаях же «борьбы за «чистоту национального языка», как это случилось, например, в языковом пространстве Украины (укр. *начальник – орудник, вуз – виша, фотографія – світлина, аеродром – летовище, вертоліт – гвинтокрил, афера – оборудка*) речь идет о **внешнем** внедрении моделей языкового поведения, изменяющих само общество.

3. Язык при субъективном отношении к нему как инструменту для навязывания идеологии поступков трансформирует естественный мир человека на основе иллюзий (от лат. *illusio; illudere* – «играть. обманывать»). Он начинает продуцировать неадекватные восприятия, в результате которых происходит замена реального на вымысел. Сознанием в этом случае воспринимается не сам объект, а его искаженный или деформированный в процессе восприятия образ. Природная энергетика языковой системы при субъективном обращении с ней на основе интересов допущенных к власти политиков становится опасной для существования общества и языка как общественного явления. Иллюзативность их

управленческой модели проявляется в стремлении подчинить нормы жизненной морали, сформированные веками, субъективным представлениям о необходимости их разрушения «во имя развития», хотя на самом деле речь идет о языке «объявленного» кризиса и подмене общественной модели развития иллюзиями.

4. С разрушением социальной природы языка связано сознательное внедрение в общество мифов об «улучшении» или «экономическом росте», превращающих человека в инструмент для обогащения и получения сверхприбыли олигархической надстройкой, игнорирующей естественно-языковую природу управления и духовного развития. Навязанные извне языковые модели поведения на наших глазах превращаются в фантом, трансформирующий действительность и маскирующий антисоциальность действий и поступков управленческой «элиты». Языковые клише *как бы диалог, как бы текст, типа дело, типа наука, как бы «самый честный канал», типа учусь, типа работаю* продуцируют и соответствующие «нормы» общественного поведения. Иллюзии, обозначенные политиками как конечная цель развития, на самом деле расчлениают природную ткань общественного сознания навязанным индивидуализмом собственника, способным уничтожить язык вообще и его человеческую природу. Современная политизация языковых явлений, сопровождаемая конфликтами, превращает естественный конструктивный потенциал языковых функций в коррозионный материал для искусственно созданной иллюзорной антифункции:

– сначала кризис объявляется (значит, он кому-то нужен? кем и для чего?), а потом он наступает (почему?, что ему можно противопоставить?, когда окончится и окончится ли вообще?);

– идею социальной защиты развенчивают, а потом постепенно игнорируются все социальные льготы (продолжительность рабочего дня, регулярность выплаты заработной платы и ее индексации, право на труд, отдых и пр.);

– лишают закавыченные названия юридических прав (*Государственное высшее учебное заведение «Донецкий национальный технический университет», Коммунальное учебно-воспитательное дошкольное учреждение «Детский сад-ясли № 25», КП «Шахта им. А.Ф. Засядько»*), которые после подобных манипуляций становятся просто абстрактными заведениями или

учреждениями, имеющими лишь форму собственности, а потом их можно с легкостью «оптимизировать»;

– вводятся в речевое сознание понятия *зачистка, килер, оптимизация, рейдеры, коллекторская деятельность*, а потом они приобретают возвышенный ореол и становятся чуть ли не целью жизни и поступков молодого поколения;

– убеждают, что учителя, ученые, врачи – главные коррупционеры, что *Анна, Владимир Путин, Михаил Саакашвили, Елена* – это *Ганна, Володимир Путін, Михайло Саакашвілі, Олена* (или, наоборот, что *Василь Стус – Василий, Володимир Чорновіл – Владимир Черновол*) с тем, чтобы первых подвести под категорию «оказывающих образовательные или иные услуги», которых нужно обязательно контролировать, а вторых считать украинцами (или русскими);

– внедряется в сознание обывателя, что главные события в мире и стране – убийства, махинации, драки депутатов, элитные тусовки, чтобы забыть о реальных проблемах семьи, предприятия или о зарплате как источнике дохода и заставить мечтать, как бы стать «вот таким миллионером» (а лучше миллиардером!).

5. Язык в политической парадигме подобных иллюзий все больше воспринимается как устройство для манипуляции человеческим сознанием и действием. Природная первичность устной и вторичность письменной речи при торжестве «операционного менеджмента» объявляются, по сути, вне закона, что является следствием механистического отношения к языку как таковому:

– диалогическая природа устной речи постепенно подменяется антилогом как механизме, существующем исключительно для политических или бизнесовых «разборок»;

– формирование культуры высказывания поглощается тестированием – универсальным и необременительным для бюджета средством обучения и контроля;

– трехкомпонентная языковая модель управления («мысль» – «общественный диалог» – «закон») упрощается до двухкомпонентной манипуляции с языком («изменение сознания на основе иллюзий – их внедрение в искаженную реальность и практическую деятельность» [2, с. 172-174];

– главная единица письменной речи – текст – подменяется репликами или вообще выхолащивается из школьной и вузовской

программы, а художественная литература превращается в конспективный придаток для финансовой или политической деятельности «бизнесмена-прагматика». Изучение украинской литературы в Украине становится превращается в знакомство с литературой, написанной на украинском языке (из нее изымаются русскоязычные произведения Т. Шевченко, Марко Вовчок, Н. Гоголя, М. Булгакова); всемирно известные произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого переключиваются в зарубежную литературу, переведенную на украинский язык, а тексты «Слова о полку Игоревом» или Г. Сковороды становятся возможным презентовать как безусловно украинские;

– познавательность подается как политически заангажированный подбор выхваченных из контекста околонуточных и околонуточных знаний;

– мысль все шире презентуется на основе волюнтаристической функции, публицистического внушения или приказа без профессионального обсуждения и номинаций, попадающих в разряд «изысков» («надо не говорить, а дело делать»!);

– эстетическо-культурологическая функция языка как средство **общности** нации на основе единой философии, мировосприятия и психологии, но бесконечно многообразных форм их проявления стараниями политиков от механики постепенно упрощается до примитивного уровня **общения** «на родном языке» (конечно же, только украинском, русском или англоамериканском?!), которое якобы способно сплотить государство единой национальной идеей (см. [1]).

6. Язык рекламы, навевающий «человечеству сон золотой», становится идеалом «гуманитарной» подготовки, а ее основой – иллюзии компонентов языковой деятельности и иллюзиятивность всего социально-языкового пространства. О филологии начинают вспоминать только тогда, когда возникает необходимость перевести текст для сугубо прагматических результатов или решить задачу по изготовлению рекламной-агитационной или публицистической продукции.

И все же личность «несдавшегося» филолога и внутреннее чутье нормального человека подсказывает, что настало время активной работы за превращение филологии в образ жизни. В расширяющейся парадигме иллюзиятивности языкового пространства должно думать не о судьбе конкретного языка, а

«...о выживании самой способности людей читать свое прошлое и даже настоящее, сохраняя таким образом меру своей человечности». Вот почему «...в наши дни... ложь и истина текстов должны оставаться главным объектом любой филологии будущего» [3, с. 4]. Согласившись с выводом Шелдона Поллока о предназначении филологии, считаем необходимым расширить его до методологического уровня предотвращения захвата социальной действительности навязанными извне языковыми иллюзиями, изменяющими природу языка, человека и мира человеческих взаимоотношений.

### *Библиографический список*

1. *Мозговой В.И.* Русская культура в украинском языковом контексте: политика и реальность // Вестник Российского университета дружбы народов. 2010, № 3 – М., 2010. – С. 13-18.

2. *Мозговой В.И.* Историко-философские предпосылки формирования современной модели управления в Украине // Научные труды ДонНТУ – Серия: Экономическая. Выпуск 41. – Донецк, 2012. – С. 167-174.

3. *Поллок Ш.* Филология будущего? Судьба мягкой науки в жестком мире [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. – 2011, № 110. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/1082>.

4. *Стернин И.А.* К проблеме состояния русского языка: кризис или развитие? // Вестник российско-таджикского славянского университета, № 4 (22). – 2008.